

Таким образом, гендер убедительно демонстрирует, что он является принадлежностью как классной комнаты, так и учеников – отдельных идентичностей, – которые занимаются в этой классной комнате. Взаимоотношения пола и гендера, безусловно, сложные. Они представляют процессы и опыт, которые формируют личность юноши или девушки и, в какой-то степени, программируют их дальнейшую жизнь. Гендеризованность современного среднего образования по-прежнему представляет значительную проблему в нашей стране несмотря на некоторые положительные изменения. Просто говорить о равенстве недостаточно, всегда следует помнить о «скрытой» дискриминации в учебном классе, о влиянии гендерных стереотипов и т.д., в целом, о том, что официальный процесс гендеризации начинается в тот момент, когда ребенок входит в образовательное учреждение, и длится все время, пока он/она получает образование. Гендерное неравенство в образовании наносит вред и мальчикам, и девочкам, пагубно влияя на личность и мужчины, и женщины.

Бібліографічні посилання:

1. **Бем С.** Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / Сандра Бем. – М.: РОССПЭН, 2004. – 331 с.
2. **Бовуар С. де.** Второй пол / Симона де Бовуар. – М., СПб.: «Прогресс», «Литера», 1997. – 832с.
3. **Бурдьё П.** Университетская докса и творчество: против схоластических делений / П. Бурдьё // Fusi-Logos XIXв. Альманах Российско-французского центра Социологических исследований Института Социологии РАН. – М., 1996. – С. 8-31.
4. **Власова Т.** Формирование гендерных стереотипов в западноевропейской философии / Татьяна Власова. – К.: Генеза, 2006. – 296 с.
5. **Ильин Е.П.** Пол и гендер / Евгений Павлович Ильин. – СПб.: Питер, 2010. – 688 с.
6. **Киммел М.** Гендерное общество / Майкл Киммел. – М.: РОССПЭН, 2006. – 464с.
7. **Warren K.** An Unconventional History of Western Philosophy / Karen Warren. – New York: Rowman and Littlefield Publishers, 2009. – 572 p.

УДК 161.121/.123+81'367.5:81'367.332.6

К. В. Райхерт

КАТЕГОРИИ «ВЕЩЬ», «СВОЙСТВО», «ОТНОШЕНИЕ» И ТЕОРИЯ ТРЁХ РАНГОВ ОТТО ЕСПЕРСЕНА

Автор предлагает характеризовать категории языка тернарного описания через понятия теории трёх рангов Отто Есперсена: категорию вещи через первичное слово, отношения - через нексусное вторичное слово (аднекс), а свойства - через юнктивное вторичное слово (адъюнкт), юнктивное третичное слово (субъюнкт) и юнктивное четвертичное слово (суб-субъюнкт).

Ключевые слова: вещь, свойство, отношение, ранги, нексус, юнкция.

Автор пропонує характеризувати категорії мови тернарного опису через поняття теорії трьох рангів Отто Есперсена: категорію речі через первинне слово, відношення - через нексусне вторинне слово (аднекс) і властивості - через юнктивне вторинне слово (ад'юнкт), юнктивне третинне слово (суб'юнкт), юнктивне четвертинне слово (суб-суб'юнкт).

Ключові слова: річ, властивість, відношення, ранги, нексус, юнкція.

The author offers to describe categories of the Ternary Description Language by categories of the Otto Jespersen's theory of three ranks: the category of thing by a primary word, the category of relation by a nexus secondary word (adnex), and the category of property by a junctive secondary word (adjunct), a junctive tertial word (subjunct), a junctive quaternary word (sub-subjunct).

Key words: thing, property, relation, ranks, nexus, junction.

© К. В. Райхерт, 2012

В ходе разработки параметрической общей теории систем (ОТС) возникла необходимость в создании специального формального языка для решения практических задач данного варианта ОТС. Так, важной проблемой параметрической ОТС было определение понятия «система». Автор параметрической ОТС А. И. Уёмов предположил, что определить понятие «система» можно, если выделить некоторый инвариант на основании уже известных определений понятия

«система», то есть если определить общую структуру определеннй понятия «система» [11, с. 98-140].

Как известно, наиболее удобный способ выявлять элементы структуры - это использовать буквенное исчисление, которое позволяет заменить часть рассуждений механическими операциями (выкладками), так сказать, «сокращёнными записями» выражений естественного языка в виде формул, над которыми можно производить операции и получать новые формулы и соотношения.

Всякое буквенное исчисление представляет собой некоторую систему знаков. Известно, что «знаки, имеющие хождение в обществе, могут быть полностью интерпретированы посредством знаков [естественного] языка, но не наоборот. Язык, таким образом, выступает как интерпретант общества» [1, с.78-79]. В связи с этим оказывается необходимым такой формальный аппарат, который мог бы наиболее адекватно соотносить формулы с выражениями естественного языка.

Таким формальным аппаратом является специально созданный для нужд параметрической ОТС язык тернарного описания, так как он обладает характеристиками, сходными с характеристиками естественных языков: интенциональностью, инкрементальностью, самоприменимостью [12].

Основание языка тернарного описания составляют две тройки категорий: «вещь», «свойство», «отношение» и «неопределённое», «определённое», «произвольное». Первая тройка категорий составляет основание синтаксиса языка тернарного описания, а вторая тройка - основание семантики языка тернарного описания.

А. И. Уёмов считает, что наиболее полно характеристики категорий «вещь», «свойство» и «отношение» можно представить через грамматику какого-нибудь естественного языка, например, русского. Для характеристики данных категорий А. И. Уёмов использует категории морфологии русского языка - самостоятельные части речи: например, постоянным коррелятом вещи в грамматике русского языка является существительное, отношения - глагол, свойства - прилагательное [10, с.20-25]. Характеристика категорий языка тернарного описания через категории морфологии естественного языка свидетельствует не только о том, что язык тернарного описания обладает качествами естественного языка, но и во многом опирается на естественный язык, чего не скажешь о других формализованных языках, таких, например, как, логика предикатов, которые опираются на математику.

В своей статье «Категории «вещь», «свойство», «отношение» и синтаксис русского языка» [6] я выдвинул идею использовать для характеристики таких категорий языка тернарного описания, как «вещь», «свойство» и «отношение», категории синтаксиса русского языка - члены предложения. Выдвижение этой идеи было продиктовано мыслью о том, что категории «вещь», «свойство» и «отношение», будучи категориями синтаксиса языка тернарного описания, должны характеризоваться через категории синтаксиса естественного языка.

В указанной выше статье предложенная мной характеристика категорий «вещь», «свойство» и «отношение» основывалась на модели предложения, принятой в традиционной (школьной) грамматике. Используемая модель предложения представляет собой субъект-предикатную модель (иерархии членов) предложения, согласно которой для построения предложения достаточно двух главных членов предложения - подлежащего и сказуемого; остальные члены предложения - определение, обстоятельство, дополнение - лишь уточняют один из главных членов предложения.

Однако, помимо субъект-предикатной модели предложения, в современной лингвистике для объяснения синтаксической структуры предложения предлагаются другие модели (иерархии членов) предложения: субъектоцентрическая, в которой главным членом предложения является только подлежащее, и предикатоцентрическая, в которой главным членом предложения является только сказуемое [2, с.230-231; 3, с.12-13; 4; 13, с.240-249; 14].

Наличие других, кроме субъект-предикатной, моделей предложения означает другие, альтернативные, способы характеристики категорий «вещь», «свойство» и «отношение» через синтаксис естественного языка.

В этой работе я намереваюсь охарактеризовать категории «вещь», «свойство» и «отношение» посредством субъектоцентрической модели предложения. Характеризации категорий «вещь», «свойство» и «отношение» посредством предикатоцентрической модели предложения я полагаю посвятить отдельную работу.

Субъектоцентрическая теория иерархии членов предложения восходит к грамматическому учению модиста Томаса Эрфуртского, который жил в XIV столетии [4; 14]. Наиболее яркими представителями субъектоцентризма в лингвистике являются К. Сунден, Ф. Брюно, Л. Ельмслев, О. Есперсен, Г. Гийом, И. И. Мещанинов, С. Д. Кацнельсон. В данной работе я предлагаю рассмотреть субъектоцентризм, выраженный в теории трёх рангов датского

лінгвіста Отто Есперсена. Теорію трьох рангов О. Есперсен излагає як частку універсальної (систематическої) граматики во второму томі «Граматики сучасного англійського мови» [15] і в «Філософії граматики» [5, с.107-121].

Теорія трьох рангов О. Есперсена.

Начинаючи свій розмову про теорію трьох рангов, О. Есперсен говорить про підчинення, яке присутнє в будь-якому поєднанні слів: «В будь-якому складному означенні предмета або особи завжди виявляється, що одне із слів має першостепенне значення, а інші приєднуються до нього на положенні підчинених слів. Головне слово визначається (уточнюється, модифікується) другим словом, яке в свою чергу може визначатися (уточнюється, модифікуватися) ще яким-то третім словом, і т. д. Таким чином, встановлюються відомі «ранги» слів в відповідності з тим, являються ли вони по відношенню друг до друга визначаючими або визначаєми. В поєднанні «*чрезвычайно жаркая погода*» слово «*погода*», яке, без сумніву, включає в себе головну думку, можна назвати первичним (primary); «*жаркая*», визначає слово «*погода*», - вторичним (secondary), а «*чрезвычайно*» - третичним (tertiary), оскільки воно визначає слово «*жаркая*» [5, с.107].

Далі О. Есперсен відзначає, що можна обмежитися трьома рангами, так як четвертичні і п'ятичні нічим не відрізняються від третичних: «Хоча третичне слово може далі визначатися другим (четвертичним - quaternary) словом, а останнє в свою чергу ще яким-небудь другим (п'ятичним - quinary) і так далі, немає необхідності розрізняти більше трьох ступенів, або рангов, оскільки немає ніяких формальних або інших ознак, що відрізняють наступні ранги від третичних слів. Так, в вираженні «*Несомненно, не очень умно составленный ответ*» слова «*несомненно*», «*не*» і «*умно*», хоча вони і визначають наступне за ними слово, граматически сходині друг до друга і з третичними словами; наприклад, в поєднаннях «*несомненно умный ответ*», «*не умный ответ*», «*очень умный ответ*» [5, с.108].

Отже, із сказаного вище випливає, що необхідно розрізняти слова трьох рангов: 1) первичні слова; 2) вторичні слова (ад'юнкти); 3) третичні слова (суб'юнкти). Данне розрізнення ґрунтується на наступному принципі: первичні слова стоять «сами по себе» і не визначають якого-небудь іншого слова; вторичні слова стоять при якомусь первичному слові і визначають його; третичні слова стоять при якомусь вторичному слові і визначають його.

Сутьним в даній теорії є те, що частини мови не закріплюються чітко за якимсь одним рангом: вони несуть функціональний характер, як в тому випадку, коли частини мови відносяться до членів речення в традиційній граматиці. Наприклад, іменник може бути як первичним, так і вторичним або третичним, в залежності від того, як будується словосполучення або речення в мовному процесі. Так, якщо іменник виступає як підлеглий «*погода*» в словосполученні «*чрезвычайно жаркая погода*», то воно є первичним словом. Якщо ж іменник стоїть в рідительному відмінку, як, наприклад, в вираженні «*стихи Шелли*» іменник «*Шелли*», то іменник виступає в функції вторичного слова (ад'юнкта). І, нарешті, якщо іменник є складовою визначеної групи слів, що зустрічається рідко, то іменник грає роль третичного слова (суб'юнкта). Наприклад, в реченні «*Море вздымалось до высоты гор*» таким чином є іменник «*горы*».

Також інфінітив здатний виконувати будь-яку з трьох можливих рангових функцій: первичних слів - «*to see is to believe (=seeing is believing)*» «*видіти значить вірити*», вторичних - «*a correct thing to do*» «*правильну річ зробити*» і третичних - «*he came here to see you*» «*он прийшов сюди побачити тебе*».

Загалом можна вважати, що в якості первичних слів завжди виступають підлеглий. Як відомо, в синтаксисі будь-яка частина мови, використана в функції іменника в іменному відмінку, є підлеглим [6, с.165]. Це дозволяє мовчачому/пишучому робити підлеглим практично все, що потрапляє в фокус його уваги, наприклад: виявлення серед учасників головного діючого особи визначеної ситуації («*Выдающийся лингвист учит студентов универсальной грамматике*»); виділення учасника («*Студент изучает универсальную грамматику по программе выдающегося лингвиста*»); виділення предикативного ознаки («*Обучение у лингвиста по новой программе*»); вилучення фрагмента реального висловлювання («*Ваше «ах!» никого не волнует*»). Також підлеглим визнається інфінітив з функцією теми: «*Позвонить не мешает*»; «*Курить - здоровью вредит!*»

Однак на деяких частинах мови накладаються обмеження. Так, наприклад, предикативні форми дієслів «можуть використовуватися тільки як вторичні слова і ніколи - як первичні і третичні слова» [5, с.112].

Крім того, цілі групи слів, по думці О. Есперсена, також можуть функціонувати як

первичные слова: «*Sunday afternoon was fine*» «*Воскресный полдень был прекрасен*» или «*I spent Sunday afternoon at home*» «*Я провёл воскресный полдень дома*» [5, с.114 - 119].

Немаловажными в теории трёх рангов, как впрочем, и во всей универсальной (систематической) грамматике О. Есперсена, являются понятия «юнкция» и «нексус», которые фиксируют разные типы синтаксической связи [5, с.122-163].

Для того чтобы показать, в чём заключается различие между юнкцией и нексусом, можно взять два словосочетания в качестве примеров: «*a barking dog*» «*лающая собака*» и «*the dog barks*» «*собака лает*». Первое словосочетание - это пример юнкции: «В юнкциях вторичный элемент присоединяется к первичному слову в качестве этикетки, или различительного знака: дом характеризуется или как «*соседний дом*» или как «*дом доктора*» [5, с.132]. Здесь важно, что «юнкция - это единство или единое понятие, выраженное более или менее случайно посредством двух элементов» [5, с.132].

Второе словосочетание (по сути, предложение) - это пример нексуса. Здесь уже содержатся два понятия, «которые обязательно должны оставаться отдельными: вторичное слово присоединяет нечто новое к тому, что уже было названо» [5, с.133].

Если провести аналогию с синтаксисом традиционной грамматики, то нексус - это синтаксическая связь между носителем, участником речевой ситуации (в качестве такого носителя может выступать либо подлежащее, либо дополнение) и предикативным признаком, который собственно и делает предложение предложением (в качестве предикативного признака выступает только сказуемое), а юнкция - это синтаксическая связь между носителем и просто признаком, спутником того или иного участника речевой ситуации (таким признаком может быть либо определение, либо обстоятельство).

Следует отметить, что «термины «первичный», «вторичный» и «третичный» могут применяться и к юнкции и к нексусу; однако будет лучше иметь для того и другого особые термины: «адъюнкт» - для вторичных слов в юнкции и «аднекс» - для вторичных слов в нексусе. К третичным словам можно применить термин «субъюнкт», а к четвертичным, если потребуется специальный термин (что случается редко), - «суб-субъюнкт»» [5, с.108].

Теория трёх рангов и категории «вещь», «свойство», «отношение».

Ранее отмечалось, что язык тернарного описания опирается на естественный язык. Это означает, что язык тернарного описания в принципе может опираться на любую модель, которая используется для описания и объяснения естественного языка. Теория трёх рангов О. Есперсена как раз представляет одну из таких моделей.

В языке тернарного описания А. И. Уёмов определяет категорию вещи как «всё то, о чём можно что-то сказать» [10, с.25]. О категории отношения А.И. Уёмов говорит, что у него всегда есть направление: «Про них имеет смысл спросить, от чего и к чему оно направлено» [9, с.22]. Кроме того, отношение «конструирует новые вещи из имеющихся» [7, с.101] или же «меняет [вещь]» [8, с.23]. Например, в предложении «*Сахар растворяется в воде*» в результате установления отношения между «*сахаром*» и «*водой*» получается новый объект - «*раствор сахара в воде*». В понимании А. И. Уёмова свойство «описывает вещи или отличает одну вещь от другой» [7, с.100] или же «это вещь, которую можно присоединить, приписать другой вещи без того, чтобы эта последняя перестала мыслиться как именно данная вещь» [8, с.22], например, «*красный*», «*старый*» и так далее и тому подобное.

Для удобства дальнейшего изложения я обозначу вещь латинской буквой *m* (от латинского слова «*materia*» «*материя*»), отношение - *R* (от латинского слова «*relatio*» «*отношение*») и свойство - *P* (от латинского слова «*proprietas*» «*свойство*»).

При соотношении трёх рангов и категорий «вещь», «свойство», «отношение» возникает определённая проблема: в отличие, например, от вербоцентрической теории предложения, представителя группы предикатоцентрических теорий, где категория вещи соотносится с актантом, отношение - с глаголом, свойство - с сирконстантом, в случае с теорией О. Есперсена невозможно чётко «закрепить» каждую категорию синтаксиса языка тернарного описания за каким-то одним рангом.

Более или менее это удаётся сделать с первичным словом, в качестве которого может выступать подлежащее, иногда дополнение. Дело в том, что в символике языка тернарного описания принято вещь помещать внутри круглых скобок: (*m*). Отношение или свойство в символической записи определяется положением по отношению к вещи: *R(m)* или (*m*)*P* соответственно.

При всём том теория трёх рангов предполагает некоторый порядок в расположении первичных, вторичных и третичных слов. Не случайно ведь первичные, вторичные и третичные слова обозначаются через порядковые числительные: «*первичный*», «*вторичный*», «*третичный*»? Так, в примере «*чрезвычайно жаркая погода*» «*погода*» является первичным словом, «*жаркая*»

- вторичним словом, а «чрезвычайно» - третичним. Этот пример показывает, что невозможно соотносить, допустим, вторичное слово с отношением, так как «жаркая» - это явное свойство. Но и третичное слово также не может быть отношением, потому что «чрезвычайно» тоже свойство. В целом в принятой мной символике словосочетание «чрезвычайно жаркая погода» можно записать так: $((m)P_1)P_2$, где m - это «погода» (вещь), P_1 - это «жаркая» (свойство), P_2 - «чрезвычайно» (свойство).

Возможно, если соотносить категории вещи, свойства и отношения с рангами в контексте синтаксических связей (юнкции и нексуса), данная проблема разрешится?

Ранее в качестве примера юнкции приводилось такое словосочетание: «a barking dog» «лающая собака». В этом словосочетании «dog» выступает в качестве первичного слова и вещи, а «barking» - в качестве вторичного слова (адьюнкта) и свойства «dog».

В качестве примера нексуса выше приводилось предложение «the dog barks» «собака лает». Здесь уже в качестве вторичного слова (аднекса) выступает глагол, который в логическом плане представляет собой отношение.

Разбор двух примеров позволяет рассматривать (или интерпретировать) юнкцию как отношение между вещью и свойством, а нексус - как отношение между вещью и отношением.

Таким образом, можно категорию отношения соотносить с аднексом, нексусным вторичным словом. С категорией свойства дело обстоит несколько сложнее. Так как юнкция рассматривается мной как отношение между вещью и свойством и, как указывалось ранее, юнкция допустима не только между первичным и вторичным словом (адьюнктом), можно полагать, что юнктивные третичные (субьюнкты) и четвертичные (суб-субьюнкты) слова являются свойствами.

Однако может быть и другая интерпретация. Ранее отмечалось, что «юнкция - это единство или единое понятие, выраженное более или менее случайно посредством двух элементов» [5, с.132], а нексус - это то, в чём содержатся два понятия, «которые обязательно должны оставаться раздельными: вторичное слово присоединяет нечто новое к тому, что уже было названо» [5, с.133].

В контексте сказанного можно полагать, что юнкция есть выражение понятия в естественной речи, а нексус - выражение пропозиции. В языке тернарного описания это выражается с помощью концептуальных и пропозициональных формул. Так, «the dog barks» можно записать в виде пропозициональной формулы: $R(m)$, где m - вещь «dog», а R - отношение «barks».

«A barking dog» может быть представлено в виде концептуальной формулы: $[R(m)]$, где m - вещь «dog», обладающая R - отношением «barking». В данном случае я вынужден рассматривать «barking» как отношение, потому что это причастие («barking» «лающий») образовано от глагола, то есть отношения «to bark» «лаять».

Можно привести и другие примеры. Итак, есть словосочетание «a red rose» и предложение «the rose is red». «The rose is red» может быть записано в виде пропозициональной формулы: $(m)P$, где m - вещь «rose», а P - свойство «red», а «a red rose» - в виде концептуальной формулы: $[(m)P]$, где m - вещь «rose», обладающая P - свойством «red».

На мой взгляд, обе интерпретации одинаково убедительны. Поэтому сделать между ними однозначный выбор невозможно. Выбор в пользу той или иной интерпретации может быть сделан только на основании того, какая из них обладает для интерпретатора эвристической (интуитивной) предпочтительностью. В моём случае предпочтительнее оказывается первая интерпретация, так как позволяет мне реализовать поставленную в начале исследования цель - охарактеризовать категории «вещь», «свойство» и «отношение» посредством субъектоцентрической модели предложения (в данном случае - посредством теории трёх рангов О. Есперсена).

Подведём итоги:

- 1) категория «вещь» в естественном языке выражается через первичное слово в теории трёх рангов О. Есперсена;
- 2) категория «отношение» в естественном языке выражается через нексусное вторичное слово (аднекс) в теории трёх рангов О. Есперсена;
- 3) категория «свойство» выражается в естественном языке через юнктивные: вторичное слово (адьюнкт), третичное слово (субьюнкт) и четвертичное слово (суб-субьюнкт) в теории трёх рангов О. Есперсена.

Использование теории трёх рангов О. Есперсена для характеристики категорий «вещь», «свойство» и «отношение» позволяет показать взаимную однозначность между синтаксисом естественного языка и синтаксисом языка тернарного описания. Таким образом, подтверждается, что язык тернарного описания в отличие от других формализованных языков опирается на естественный язык.

Бібліографічні посилання:

1. **Бенвенист Э.** Семиология языка / Эмиль Бенвенист // Бенвенист Э. Общая лингвистика; Под ред., с вступ. ст. и комм. Ю. С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – С. 69-89.
2. **Гак Г. В.** Л. Теньер и его структурный синтаксис // Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Люсьен Теньер; Пер. с франц. И. М. Богуславского, Л. И. Лухт, Б. П. Нарумова, С. Л. Сахно; Вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. – М.: Прогресс, 1988. – С. 5-20. – (Языковеды мира).
3. **Гак Г. В.** Теоретическая грамматика французского языка / Владимир Григорьевич Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
4. **Даниленко В.П.** Мемуар о субъекто- и предикатоцентризме во фразообразовании / В.П. Даниленко // Язык, коммуникация и социальная среда / Под общ. ред. В. Б. Кашкина. – Выпуск 4: Воронеж: ВГУ, 2006. – С. 5-15.
5. **Есперсен О.** Философия грамматики / Отто Есперсен; Пер. с англ. В. В. Пассека и С. П. Сафроновой; Под общ. ред. Б. А. Ильиша. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 410 с.
6. **Райхерт К. В.** Категории «вещь», «свойство», «отношение» и синтаксис русского языка / К. В. Райхерт // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Т. 23(62): Философия. Культурология. Политология. Социология. – 2010. – № 4. – С. 163-168.
7. **Уёмов А.И.** Метафизика: Учебное пособие / Авенир Иванович Уёмов. – Одесса: Астропринт, 2010. – 260 с.
8. **Уёмов А.** Общая теория систем для гуманитариев: Учебное пособие / Авенир Уёмов, Ирина Сараева, Арнольд Цофнас; Под общ. ред. А. И. Уёмова. – Warszawa: Wydawnictwo Universitas Rediviva, 2001. – 276 с.
9. **Уёмов А. И.** Основы практической логики с задачами и упражнениями / Авенир Иванович Уёмов. – Одесса: ОГУ им. И.И. Мечникова; философское отделение ИСН, 1997. – 388 с.
10. **Уёмов А. И.** Системные аспекты философского знания / Авенир Иванович Уёмов. – Одесса: Негоциант, 2000. – 159 с.
11. **Уёмов А. И.** Системный подход и общая теория систем / Авенир Иванович Уёмов. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.
12. **Уёмов А. И.** Язык тернарного описания как формализм параметрической общей теории систем. Часть 1 / Авенир Иванович Уёмов // Вісник Одеського національного університету. – Т.12: Філософія. – 2009. – Випуск 15. – С. 105-117.
13. **Юрченко В. С.** Философия языка и философия языкознания: Лингвофилософские очерки / Василий Семёнович Юрченко; Отв. ред. Э. П. Кадькалова; Вступ. ст. О. Б. Сиротининой, Э. П. Кадькаловой. – 3-е изд. – М.: ЛКИ, 2008. – 368 с.
14. **Danilenko V.** On the Relation Between Subject-Centred and Predicate-Centred Theories of Sentence Forming (V. Mathesius and L. Tesniere) // Philologica Pragensia. – 1988. – № 1. – P. 50-66.
15. **Jespersen O.** A Modern English Grammar on Historical Principles: Volume 2: Syntax (first volume). – 1st edition. – N.Y.: Routledge, 2006. – 544 p.

УДК 111.852 : 124.2 : 165.21

Ю. Ю. Полулях

СЕМІОЛОГІЯ ІНФОРМАЦІЇ: ЕСТЕТИЧНИЙ АСПЕКТ

Специфіка естетичної інформації потребує усебічного розгляду. Аналіз семіотичних концепцій дозволяє виявити характеристики, які розглядаються як основні принципи функціонування естетичної інформації у сучасній науці: знаково-комунікативна структура, неоднозначність, автореференція.

Ключові слова: інформація, естетична інформація, естетичне повідомлення, знак, образ.

Специфика эстетической информации нуждается во всестороннем рассмотрении. Анализ семиотических концепций позволяет выявить характеристики, которые рассматриваются как основные принципы функционирования эстетической информации в современной науке: знаково-коммуникативная структура, неоднозначность, автореференция

Ключевые слова: информация, эстетическая информация, эстетическое сообщение, знак, образ.

The specific of aesthetic information need to be in a careful consideration. The analysis of semiotic conceptions allows revealing characteristics, which are considered as basic principle of